

Рис. 8. Находки из верхних слоев (второго периода функционирования) святилища.

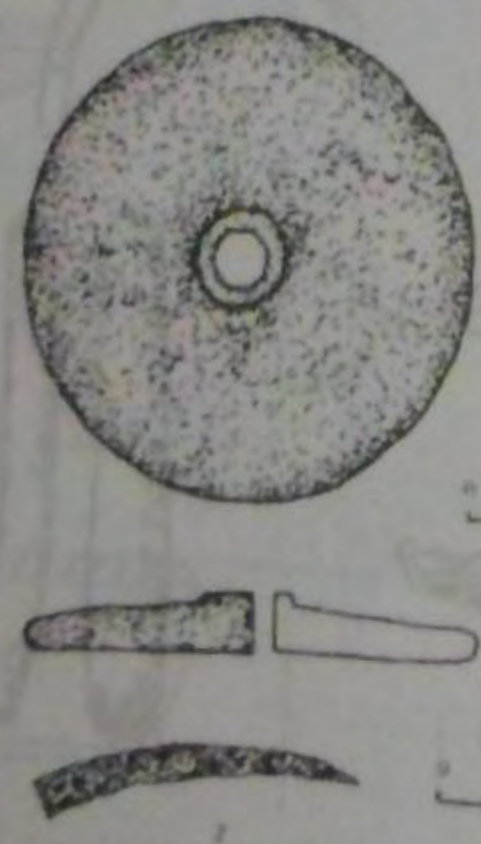

Рис. 9. Находки из верхних слоев святилища.

В. А. СИДОРЕНКО

**БАНКОВСКИЕ ОПЕРАЦИИ ПРИ ХРАМАХ НА БОСПОРЕ
В I в. до н.э.-II в. н.э. (по материалам граффити)**

При раскопках в Керчи, проводившихся в 2002 г. экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины по ул. Ленина, был найден фрагмент горловины амфоры с пятистрочной надписью-граффити (Кв. III, шт. 14)¹. Высота фрагмента 142 мм, максимальная ширина в основании 155 мм, диаметр горловины 95 мм. Граффити занимало участок поверхности 50x82 мм и представляло пятистрочную надпись, выполненную по обожженной глине (рис. 1). Высота букв 6-12 мм. К особенностям их начертания относятся лунарная форма сигмы и возвышающиеся над буквами продолжения правых наклонных глас в альфе и дельте, что практически не дает надежных ориентиров для датировки. По содержанию граффити представляет размещенный в столбик список из пяти имен, против которых находятся цифровые обозначения. Последняя цифра сопровождается сокращением названия денежной единицы денария, что позволяет заключить, что и остальные цифры выражали счисления в денариях.

Διογέν(ης) κε'	Диоген 25
Ἡρακλείδης κε'	Гераклейд 25
Μακάρις ν'	Макарий 50
Βασσταγῶνας ν'	Басстагон 50
Θεόφιλος δηνάρια ν'	Теофил 50 де(нариев)

Греческие имена Диоген, Гераклейд и Теофил распространены повсеместно, встречаются как в Присредиземноморье, так и в Северном Причерноморье [IGBR I 14, 16, 43, 46-48, 51bis, 99, 174, 106, 140, 206ter, 221, 229, 259, 324, 325, 333, 343 sept, 401 A; Διογένης Херсонес: IPE I² 354, 359, 361+363, 386, 394?, 716, 128; Ольвия: HO 26; Ἡρακλείδης Херсонес: IPE I² 460, 540; Ольвия: IPE I² 91, 100, 140, 211; Θεόφιλος Херсонес: IPE I² 436, 581, 582?; Ольвия IPE I² 151]. Реже встречается имя Μακάρις (Макарий), но в форме Μακάριος подобное известно в Тире [IPE I² 2]. Имя Βασσταγῶνας (Басстагон), кажется, впервые засвидетельствовано в ономастике не только Боспора, но и припонтийского региона. Судя по всему, перечисляемые в граффити имена принадлежали не жителям Пантимакея или других городов Боспора, а иногородним гражданам.

¹ Пользуюсь возможностью поблагодарить А.И. Айбабина и И.В. Ачкинази за любезно предоставленный для обработки и публикации материал.

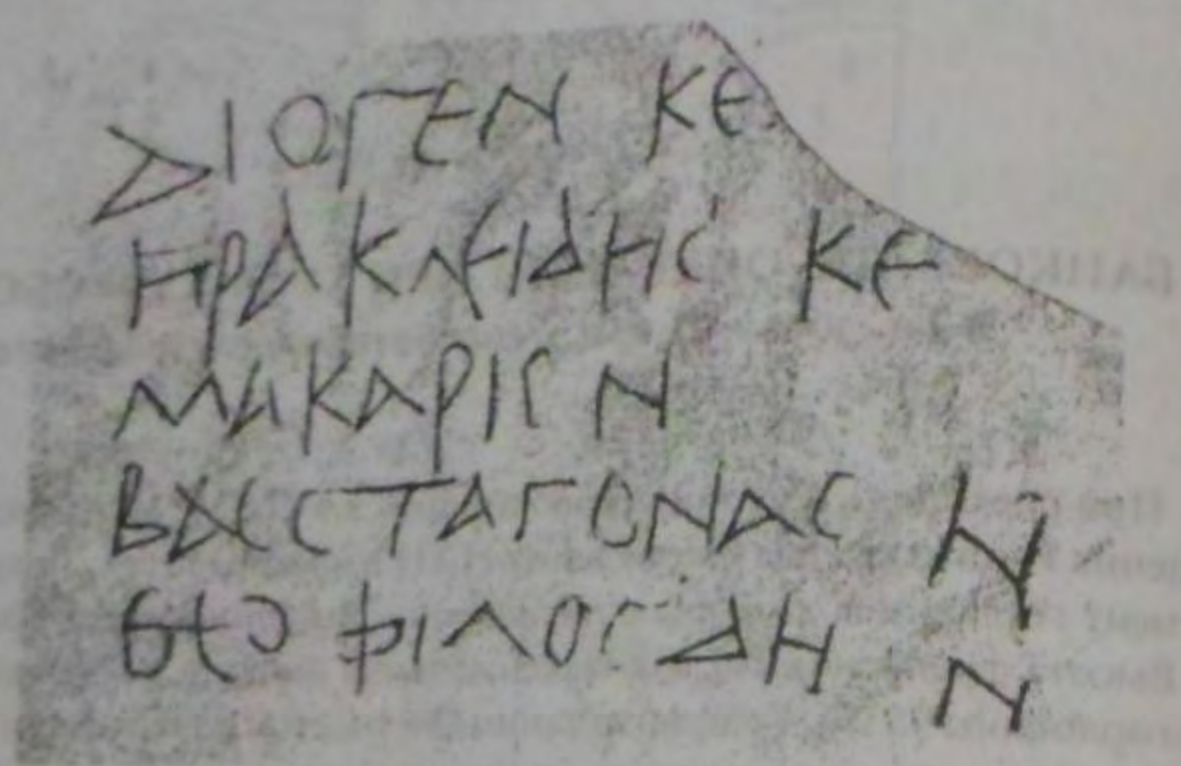

Рис. 1. Граффити на фрагменте горловины амфоры из раскопок 2002 г. в Керчи.

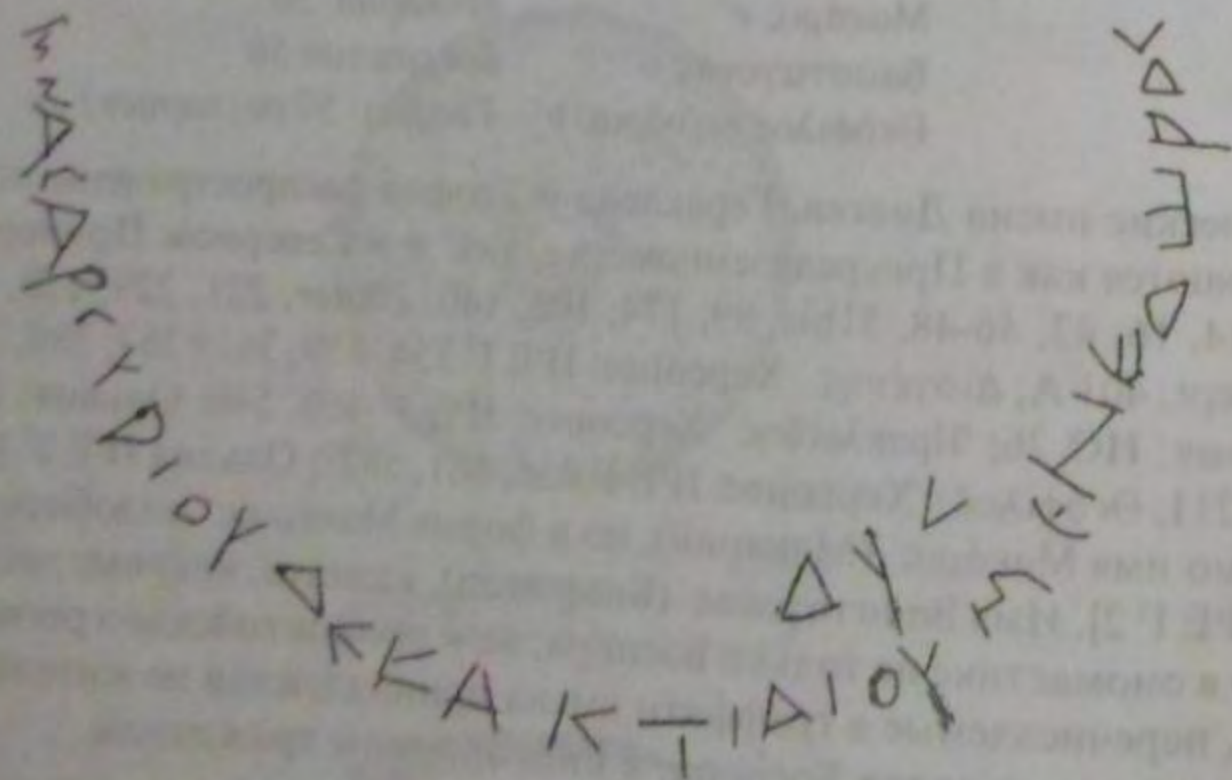

Рис. 2. Граффити на плечиках лагиноса из раскопок Люценко 1872 г. [Толстой, № 156].

Иногородняя принадлежность носителей не характерных для ономастики Боспора имен позволяет рассматривать само содержание граффити как список вкладчиков, оставивших свои капиталы на содержание храмовому банку. В необходимости оставлять деньги на надежное хранение при храме чаще всего нуждались не местные жители, а иногородние. Существование на Боспоре банков, которые обычно организовывались при храмах, объясняет такое явление, как практическое неучастие римской монеты первых веков н.э. в денежном обращении Боспора. Пользуясь услугами таких банков, вкладчик мог отправляться в дорогу, не беря с собой капитал, осуществлять перевод сумм в пункты назначения и получать по месту прибытия деньги другого вкладчика по доверенности и поручительству банка. Самой простой операцией было помещение денег на хранение в банк при святилище иногородними гражданами как на время своего отсутствия, так и для сохранения неудобных для постоянного содержания при себе сумм, представленных в тяжеловесной медной монете.

Амфора, на горловине которой было нанесено граффити, относится к типу боспорских, датируемому обычно I-II вв. н.э. Судя по упоминанию в граффити денариев, надпись также может относиться ко времени не ранее начала I в. н.э. (второе правление Аспурга), когда в нумизматике Боспора появляются обозначения номиналов медных монет в унциях, соответствующие долям денария - ассарий (12 унций), позже дупондий (24 унции) и сестерций (48 унций). Можно отметить, что вплоть до времени Коммода (180-192 гг.) в монетной чеканке самого Боспора номинал денария отсутствовал, и только при нем появляются крупные монеты достоинством в денарий и двойной денарий, двойной (96) и тройной (144) сестерции. В это время боспорский денарий и его фракции представляли собой бронзовую монету. Можно заключить, что на Боспоре денарий до времени Коммода представлял собой счетную единицу, комплектовавшуюся номиналами медных монет боспорской чеканки.

Общая указанная в надписи сумма денариев² в пересчете на медную боспорскую монету составляла бы или 800 сестерциев, или 1600 дупондиев, или же 3200 ассариев. В весовом отношении выраженный в любом из этих медных номиналов вес 200 счетных денариев должен был достигать (при весе сестерция 11,5-15,6 г) от 9,2 до 12,48 кг. Представленная фрагментарно горловиной с граффити амфора в своем изначальном объеме могла служить пригоднымместилищем для такого значительного количества медной монеты.

Можно заключить также, что в I-II вв. н.э. на Боспоре обмен на римский денарий местных медных выпусков, составлявших основу внутреннего монетно-

²Сумма коллективного вклада, составлявшая 200 денариев, не столь и велика, если сравнить ее с известными частными пожертвованиями на строительство храмов или на отдельные архитектурные детали храмовых построек. Так, из Херсонеса происходят надписи о пожертвованиях на эти колонны 3000 денариев на храм Афродиты [IRE I², 440] и надписи на колоннах о пожертвованиях на эти колонны 500 [IRE I², 441, 442, 446] или 300 [IRE I², 443] денариев. Как видно, названные поименно в граффити из Паитикапей вкладчики не были людьми состоятельными и пользовались услугами банка для кратковременного вклада.

го обращения, был невыгоден, поскольку полновесная медная монета имела курс, превышающий курс денария на внутреннем рынке. Как следствие этой особенности боспорского монетного обращения может рассматриваться редкость находок римских денариев на Боспоре в первые века н.э.

Аналогий по содержанию нашего граффити, представляющему список имен и денежных сумм, счислявшихся в денариях, ранее на Боспоре найдено не было. Однако известно упоминание в надписи счетно-весовой суммы серебра и имени вероятного владельца на сосуде, датированном издателем II-I вв. до н.э. Это граффити на плечиках лагиноса, найденного в 1872 г. при раскопках Люценко на горе Митридат в земляной гробнице (грунтовом склепе) справа от дороги, ведущей к Золотому кургану [Толстой, № 156].

Граффити располагается по периметру и включает в себе двустрочную надпись (рис. 2). Нижняя строка: $\text{Μῦς ἀργυρίου δέκα ἑστιάίου Μενόδωρος}$. И.И. Толстой при переводе надписи видел в начале первого имени гаплографию, восстанавливая его как беспрецедентное (ἑστιάίου , а родительный падеж расценивал как подмену дательного в имени лица, передавшего названную в надписи сумму Менодору [Толстой, с. 97]. Не говоря об уверенно читающихся в начале имени йоте и сигме, которые заметно отличаются от написания каппы в предстоящем числительном, и известности имени ἑστιάιος в античной ономастике [Dornseiff, Hansen, S. 224], можно заметить, что такая трактовка взаимосвязи имен не отвечает в полной мере грамматике, предусматривая как минимум пропуск необходимого при неконструктивном падеже предлога. Подобное недоразумение устраняется, если имя Гистияя рассматривать как патронимик Менодора, помещенный перед именем: «Десять мин серебра, (сын) Гистияя Менодор». Последнее имя И.И. Толстой читал как Μενέδωρος - в форме, не отраженной в ономастике, но здесь, как видно, имела место неудавшаяся попытка исполнителя надписи замкнуть круг мелкого омикрона, при которой его резец троекратно соскальзывал в сторону, а форма имени была Μενόδωρος [Dornseiff, Hansen, S. 284]. Верхняя строка, заключающая в себе только три знака, читалась И.И. Толстым как $\Delta \Gamma \Sigma$ и рассматривалась как возможный «след какой-то описки». Однако сравнивая написание среднего знака с написанием юпсилона в основной части надписи, мы обнаруживаем существенное различие в размещении боковой короткой галсы не справа, а слева от вертикальной, что не оставляет сомнения в отображении здесь не юпсилона, а йоты, слегка искаженной случайной чертой или следом срыва резца. Таким образом, все три знака дополняющей надпись первой строки читаются как дата $\Delta \Gamma \Sigma$ - «214», которая очевидно выражена в годах понтийско-вифинской (боспорской) эры и соответствует 84/83 г. до н.э.

Можно отметить, что сообщаемая в надписи дата укладывается в определяющую по типу лагиноса датировку, уточняя ее. Что касается самой надписи, сообщавшей о значительной сумме в десять мин серебра (1000 драхм), то можно предполагать, что эти деньги не были каким-то дарением или займом частному лицу, а предназначались (судя по наличию в надписи даты) для длительного хра-

нения и возможно являлись банковским вкладом Менодора. Если бы эта значительная сумма сохранялась в доме Менодора, едва ли возникала бы необходимость указывать имя владельца, сумму и дату.

В связи с интерпретацией датированного граффити, в котором упоминается денежная сумма в десять мин серебра, трудно не обратить внимания на то, что сообщаемая в ней дата 214 г. б.э. (84/83 г. до н.э.), непосредственно предшествует антимитридатовскому восстанию на Боспоре (ок. 83 г. до н.э.), началу наместничества Махара и лишению боспорских городов права монетной чеканки. Что же касается серебряных монет Боспора, то после 83 г. до н.э. они уже не выпускаются вплоть до превращения статеров в серебряную монету в III в. н.э. Зато предшествовавший период от подчинения Боспора Митридату VI Евпатору до 83 г. до н.э. знаменуется обильными выпусками серебряных монет Пантикапеем и серебряной чеканкой боспорских городов Фанагории и Горгиппии [Анохин 1986, с. 145, №№ 189-190, 196-200, 204-206, 209; 1999, с. 105-108]. Таким образом, экономическая ситуация на Боспоре в начале I в. до н.э. способствовала накоплению капитала в серебряной монете некоторыми состоятельными лицами, каковым очевидно был Менодор. Последовавшая затем дестабилизация социальной обстановки в условиях назревающего антимитридатовского восстания и прямые проявления серебряного кризиса могли побудить его позаботиться о сохранении своего капитала посредством помещения в банк.

Следует признать, что подобная интерпретация граффити на лагиносе остается лишь предположением. Возможен и иной поворот событий. Менодор мог являться тем должностным лицом, которым осуществлялся денежный сбор ежегодного форо-са для Митридата VI Евпатора в Пантикапее. Вспыхнувшее ок. 83 г. до н.э. антимитридатовское восстание в первую очередь было обращено против представителей митридатовской администрации, а Менодор мог оказаться его жертвой. Если дата в граффити с именем Менодора сообщала сумму и год форо-са, то вероятно сам форо-с не успел быть отправлен Митридату и достался восставшим. Обнаружение этого граффити в грунтовом склепе справа от дороги, ведущей к Золотому кургану, косвенно указывает на трагизм событий, с которыми возможно оказалось в 84/83 г. до н.э. связано имя Менодора, сына Гистияя. Страбон сообщает, что все северные владения Митридата вместе с азиатскими областями у Синдикы вносили 180 тыс. медимнов зерна и 200 талантов серебра [VII, 4, 6]. Очевидно, со времени наместничества Махара Боспор начинает выплачивать более высокий, чем прежде, форо-с Митридату, и уж несомненно теряет прежние льготы и денежные дотации, отражением которых можно считать перечеканку некоторых серебряных монет Боспора митридатовского времени из монет Амиса [Голенко 1960, с. 28-30; 1968, табл. I, 3-4].

Находки в Керчи граффити с указанием имен иногородних граждан и денежных сумм свидетельствуют, на наш взгляд, о бытовавшей в античном Пантикапее практике осуществления банковских операций храмами. Возможно, новые находки подобных свидетельств позволят расширить наши представления как о масштабах и особенностях этих операций, так и об их хронологическом диапазоне.

- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
 Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
 Галенко К.В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // НЭ. 1960. т. II. с. 28-40.
 Галенко К.В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н.э. со следами перчеканки // НЭ. 1968. т. VII. с. 37-42.
 Ткачковой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.-Л., 1953.
 Dornhoff F., Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin, 1957.
 ИО - Надписи Ольвии (1917-1965). Л., 1968.
 IGRB I - Mihailov G. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Vol. I, Inscriptiones orae Ponti Euxini. Editio 2. Serdicae, 1970.
 IPE I - Latyschev V. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad Regnum Bosporanum. Eterum Edidit. Petropoli, 1916.

SIDORENKO V.A.

BANK OPERATIONS AT TEMPLES IN BOSPORUS AT THE END OF THE 1ST CENTURY BC - THE 2ND CENTURY AD
 (On Graffiti Materials)

Summary

During the excavations in Kerch in 2002 a fragment of amphora dating back to the 1st - 2nd centuries AD with graffiti - inscription containing 5 lines was found. The inscription is a list of five names with digital marking in dinars. Διογένειος κε' | Ἡρακλείδης κε' | Μακάριος ν' | Βασσταγούνας ν' | Θεοφιλέος βιναίρα ν'. The name Βασσταγούνας is met in onomastic for the first time. All the names obviously belonged to the citizens from other places, not Bosphorus. We can suppose that in graffiti the names of depositors of these sums to the bank at temple. The total of 200 dinars might be counted in bronze Bosphorus coin and with the weight from 9.2 to 12.48 kilograms might be kept in amphora with the inscription made on it.

In Bosphorus the reference to the inscription of accounting and weight of silver and the name of its owner on the vessels dating back to the 2nd - 1st centuries BC. This graffiti was found during the excavations on the mountain of Mithradates in 1872. We cannot agree with the variant of reading it offered by the publisher [Tolstoy 1953, N 156]. The new way to read this graffiti is the following: - δεκ' | Μνδρς ἀργυρίου δέκα Ἰστιαίου Μεν<δ>δορος - Ten minas of silver, (son) Gistiaja Menodor, 214 (year) - reveals the date according to Pontus-Biphin (Bosporan) era, corresponding to 84/83 BC. This date coincides with the beginning of silver crisis in Bosphorus. It can be presupposed that Menodor put a large sum of money in silver (1,000 drachmas) to the bank.

It is also probable that the graffiti with the name of Menodor had a certain relation to phoros (tribute) raised from Bosphorus by Mithradates VI. Strabo informs that all northern possessions of Mithradates together with Asian region near Sindika contributed 180,000 medimns of grain and 200 talents of silver (VII, 4, 6). Menodor might be that official who collected the annual phoros for Mithradates VI Eupator in Pantikapaion. Uprising against Mithradates in about 83 BC was against representatives of his administration and Menodor could be one of its victims. If the date in the graffiti with the name of Menodor informed the year of collected phoros, then probably the phoros itself must have been taken by the rebels. The find of this graffiti in the ground vault to the right from the road leading to the Gold Barrow indirectly shows the tragic element of the event, connected probably with the name of Menodor, the son of Gistiaja in 84/83 BC.

We think that the finds of graffiti with indications of sums of money and the names of non-residents in Bosphorus testify to the practice of bank operations at temples in ancient Pantikapaion. Probably, new finds of such evidences will enable us to widen our presentation about the scale and peculiarities of such operations and their chronological range.

ТОЛСТИКОВ В.П., ЖУРАВЛЕВ Д.В., ЛОМТАДЗЕ Г.А.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

В 2001 г. в результате работ Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им. А.С.Пушкина на акрополе Пантикапея (раскоп Центральный-Север-щена эта статья (табл. 1-3). Установлено, что оба этих объекта представляют собой элементы единого гидротехнического сооружения, что позволяет описывать их совместно. Кроме того, открытие водостока № 265 и датирующих его материалов позволяет уточнить и время сооружения цистерны № 245.

Водосток № 265 был открыт на кв. 207 и 239 (табл. 1). Он шел непосредственно от северной стороны обрамления устья цистерны № 245, где был устроен водосток, в виде вытесанного в каменном блоке желоба прямоугольного сечения. Размеры блока с желобом: 0.78x0.32x0.16 м. На момент открытия этот водосточный желоб был перекрыт каменной плитой. Водосток сооружен из нерегулярных камней известняка, оформлявших его боковые стенки. Ложе водостока было выложено мелкими плоскими камнями, среди которых был обнаружен полный профиль светлоглиняного лутерия. Подобные «лутерии - чаши» хорошо известны на Боспоре, в том числе и из раскопок Пантикапея [Гайдукевич 1952, С. 194, рис. 102, 1; Зеест, Марченко 1962, С. 150-151, рис. 2, 6]. Они традиционно датируются в пределах VI-V вв. до н.э. Ширина ложа водостока составляла 0.22-0.25 м, а общая его ширина лежала в пределах 0.51-0.76 м. Сохранившаяся протяженность водостока № 265, лежавшего строго по трассе Ю-С, от края водосливного желоба цистерны равнялась 5.45 м. Очевидно, что водосток был предназначен для отвода излишков воды из цистерны № 245 и шел от нее с уклоном примерно в 15 градусов, следуя естественному понижению рельефа (отметка ложа у водосливного желоба цистерны - 3.45; отметка ложа у сохранившегося северного края трассы водостока - 4.15).

Весьма примечателен предполагаемый пункт стока воды, к которому вела трасса водостока № 265: если продлить ее к северу, то водосток определенно подойдет к участку, лежащему на границе кв.145 - 175, то есть к пункту, расположенному непосредственно к востоку от выхода из МК II/Б, прямо под ступенями лестницы № 222. Такой выбор направления стока воды из цистерны № 245 не случаен: он, по-видимому, обусловлен спецификой рельефа территории к северу от цистерны, который был учтен древними строителя-